

Тото-зверям требовалось время, чтобы начать давать молоко, поэтому на данном этапе Цзянь Мо сосредоточил все свои силы на Охотничьем Турнире. Празднество должно было продлиться девять дней. Соплеменники не сидели на Турнире безвылазно: они сменяли друг друга, чтобы в свободное время успевать охотиться и заниматься собирательством, делая запасы на долгую зиму.

Слухи о талантах Цзянь Мо быстро разлетелись по округе, и Племя Мэншуй официально пригласило его стать дежурным лекарем на время состязаний. Ему пообещали ежедневную оплату припасами, так что теперь каждое утро он отправлялся в путь.

Позавтракав и накормив крылатых зверей и тото-зверей, юноша вместе с У Цзюном вылетал в Мэншуй. Прямой путь по воздуху значительно сэкономил время. Хотя их Приречное племя и находилось на приличном расстоянии от владений Мэншуй, на крылатых зверях они добирались довольно быстро.

На месте уже вовсю кипела жизнь: повсюду стояли торговые лавки, бродили любопытные, слышался гул голосов — Турнир был в самом разгаре. У Цзюн уводил летунов на привязь, а Цзянь Мо шел к отведенному ему месту, где ставил медицинскую сумку и готовился к приему раненых.

Не успел он присесть, как к нему подошел полузверолюд из местного племени с глиняным кувшином в руках.

— Доктор Цзянь Мо, попробуйте наш напиток, — улыбнулся он. — Мы сделали его из охлаждающих листьев и сладких плодов. Скажите, тот ли это вкус, о котором вы говорили?

Зверолюды порывались называть юношу жрецом или знахарем, но тот, считая такие титулы незаслуженными, попросил именовать его просто доктором.

— Спасибо большое, — Цзянь Мо поднялся, чтобы принять угощение.

Полузверолюд бережно поставил кувшин на стол, выставил принесенные чаши и с любопытством спросил:

— А вождь У Цзюн сегодня не пришел?

— Пришел, сейчас привяжет зверей и подойдет, — юноша отхлебнул напиток. Прохладный, умеренно сладкий вкус приятно освежал, заставив его довольно зажмуриться. — Очень вкусно!

— Вот и славно! — обрадовался собеседник. — Утром наши тоже пробовали, всем понравилось. Ваш способ и впрямь хорош.

В этот момент за их спинами раздался полный тревоги крик:

— Доктор Цзянь Мо!

Обернувшись, лекарь увидел двоих мужчин, которые со всех ног бежали к нему, неся на руках ребенка. Малыш, зажмурившись, истошно вопил, а из его рта непрерывным потоком текла кровь. У Цзянь Мо екнуло сердце. Он мгновенно смахнул всё лишнее со стола в угол.

— Кладите его сюда! Скорее! Что случилось?

— С дерева упал! — выдохнул один из мужчин, чей голос дрожал от ужаса. — Кровью харкает, не переставая!

Видя, что руки отца сводит судорогой от страха, Цзянь Мо твердо произнес:

— Я посмотрю, что случилось. Положите его на бок.

Оказавшись на столе, ребенок продолжал кричать во всё горло. Голос у него был звонкий, дыхание — глубоким. Обычно те, кто способен так громко возмущаться, страдают не от самых тяжелых травм, так что состояние маленького зверюда было обнадеживающим.

Юноша осторожно разжал челюсти малыша, внимательно осматривая полость рта, а затем приложил ухо к его грудной клетке, прислушиваясь к дыханию. Окружающие замерли, боясь даже вздохнуть. Спустя пару минут Цзянь Мо выпрямился.

— Внутренних повреждений нет, — уверенно сказал он. — Рот полон крови, потому что он сильно прикусил щеку и губу, да еще и зуб отколол.

Он придержал подбородок ребенка, показывая родителям место травмы. Там и впрямь зияла глубокая рана, из которой сочилась кровь. Мужчины заметно расслабились, тени ужаса сошли с их лиц.

Достав из сумки мочевой пузырь зверя, наполненный соленой водой, Цзянь Мо принялся промывать рану. Вскоре кровь была смыта, а к поврежденному месту он прижал чистую ткань.

— У него ведь как раз время смены зубов подходит? — спросил лекарь, успокаивающе поглаживая малыша.

Родители согласно закивали. Цзянь Мо еще раз прослушал грудную клетку, убедился, что хрипов нет, и подытожил:

— Зуб придется удалить. Он раскололся почти до корня, если оставить — начнется воспаление.

Слово «воспаление» было им незнакомо, но, видя уверенные действия лекаря, они доверились ему беспрекословно.

Глядя на ребенка в человеческом облике, Цзянь Мо чувствовал некоторую неловкость. Всё-таки он был ветеринаром.

— Послушайте, — обратился он к родителям, — не мог бы малыш принять звериную форму? Мне так будет привычнее работать.

Мальчик уже перестал плакать и теперь лишь шмыгал носом, с опаской поглядывая на лекаря.

— Ты не против? — ласково спросил Цзянь Мо, склонившись над ним.

Родители не возражали, и ребенок послушно кивнул. Отец развязал меховую юбку сына, и тот, не меняя позы, обратился в зверя. На столе оказался симпатичный пушистый зверек из семейства куньих.

Вид знакомых очертаний мгновенно успокоил юношу. Теперь он был в своей стихии.

Действуя быстро и точно, он взял деревянный пинцет, зажал обломок клыка и одним выверенным движением извлек его. Малыш даже не успел пискнуть. Снова последовало промывание соленой водой, после чего Цзянь Мо приложил к десне кусочек стерильной ткани.

— Прикуси, — скомандовал он.

Зверек послушно сомкнул челюсти. Он вел себя куда дисциплинированнее, чем многие пациенты Цзянь Мо в прежней жизни.

— Умница, — похвалил лекарь. — Какой храбрый малыш.

Уши зверька дрогнули, он отвел взгляд — явно засмутился. Цзянь Мо повернулся к родителям:

— Всё в порядке. Пару дней пусть старается не жевать на этой стороне и не трогает ранку языком.

Кровь давно остановилась, и хоть на мордочке зверька еще блестели слезинки, он уже выглядел вполне бодрым.

— А мазать ничем не нужно? — робко спросил отец.

Юноша убирал инструменты в отдельный отсек для последующей дезинфекции.

— Нет, слюна сама по себе отлично очищает. Рана затянется быстро.

Родители, хоть и не до конца поняли объяснение, согласно закивали. Глава семейства вытащил из-за спины корзину и с благодарностью протянул её:

— Доктор Цзянь Мо, примите это.

Когда они бежали сюда, соплеменники подхватили их вещи, и теперь мужчина предлагал их в качестве платы. Цзянь Мо откинул покрывающие корзину листья и увидел грудку желтовато-бурых плодов размером с крупное яйцо.

— А что это? — с любопытством спросил он.

— Ой, не ту взял! — спохватился отец ребенка, пытаясь забрать корзину обратно. — Это нанго-плоды, их только тотто-звери да летуны едят. Я сейчас принесу корень мудин.

Раз животные это едят, значит, они не ядовиты, рассудил лекарь. Он взял один плод, понюхал, поковырял ногтем твердую гладкую кожицу. В нос ударил горький, терпкий аромат — не то чтобы зловонный, но довольно специфический. Цзянь Мо попытался раздавить плод пальцами, но тот оказался на редкость крепким.

Он уже подумывал было попробовать его «на зуб», когда подошел У Цзюнь. Вождь молча взял плод из рук юноши, легко сдавил его, послышался хруст, и вернул уже вскрытым. Цзянь Мо улыбнулся и принялся изучать округлое ядро внутри.

— Едят ведь только сердцевину?

— Да, — ответил отец малыша. — Только вкус у них дрянной. Никто их в рот не возьмет, разве что в самый голодный год, когда совсем шаром покати. Мы их обычно собираем, чтобы выменять у тех племен, что тотто-зверей держат.

Тут мужчина осекся.

— Доктор Цзянь Мо, вы ведь тоже их завели! Тогда забирайте эту корзину, а я сейчас еще корней притащу.

— Оставьте нанго-плоды, — мягко сказал юноша. — Этого вполне достаточно, я ведь ничего особенного не сделал.

— Ну нет! — запротестовал отец. — Как можно за такое одними плодами расплатиться? В наших краях этих нанго-плодов в каждой речке завались, завтра еще наберем, делов-то.

Цзянь Мо удивленно воззрился на плод, который по виду напоминал гладкий каштан.

— Они растут в воде?

— Да, в низинах их полно, а у вас в горах, поди, и не сыщешь.

— Что ж, век живи — век учись, — улыбнулся лекарь. — Оставьте нанго-плоды, и на этом закончим. Послушайте меня.

Спорить с ним было бесполезно, и родители, оставив корзину, поспешили увести сына. Юноша остался на месте, ожидая новых пациентов.

День прошел на редкость спокойно, серьезных травм больше не случалось. Вечером, распрощавшись с гостеприимными хозяевами, Цзянь Мо и У Цзюн вернулись домой. Юноша отсыпал часть плодов, намереваясь угостить тотто-зверей.

У Цзюн, заметив это, остановил его:

— Нужно сперва вынуть ядра. Скорлупу они не переварят, могут и животы надорвать.

— А зубы им на что? — удивился Цзянь Мо.

— Зубы — это одно, а желудок — другое. погоди, я принесу устройство для снятия скорлупы.

Вождь ненадолго отлучился и вернулся с диковинным инструментом. В нем было круглое углубление для плода, а сверху — каменный нож с деревянной ручкой. Стоило нажать и повернуть рычаг, как на коже появлялся аккуратный кольцевой надрез, и ядро само выпадало наружу.

Сердцевины оказались довольно увесистыми, размером с добрый лонган, вот только запах... Цзянь Мо невольно поморщился, едва сдерживая тошноту.

Когда У Цзюн закончил, юноша понес угощение зверям. Тотто-звери ели понемногу, и он не рискнул давать им только ядра — побоялся, что такая сухая пища повредит пищеварение, поэтому смешал их с травой. Остатки он понес крылатым зверям.

Вожак летунов, завидев нанго-плоды, осторожно понюхал их. Было видно, что аромат ему не по душе: зверь то и дело отворачивался, фыркал, но к еде не притрагивался.

— Не хочешь — не надо, — сказал Цзянь Мо. — Сейчас принесу что-нибудь другое.

Но летун вцепился клювом в корзину, не давая её забрать, и уставился на хозяина огромными черными глазами.

— И-ин?

— И сам не ешь, и мне не даешь? — рассмеялся юноша.

Зверь, переборов брезгливость, всё же проглотил горсть ядер и принялся усердно жевать. Вот только крошки сыпались из его пасти дождем — точно так же, как у непутевых пьяниц половина напитка стекает по бороде, и ни капли не попало в горло.

— Ну и манеры! — Цзянь Мо шутливо шлепнул зверя по голове. — Не нравится — не ешь, нечего продукты переводить!

Крылатый зверь виновато коснулся его плечом, но в конце концов не выдержал и с громким звуком выплюнул пережеванную массу. Лекарь только вздохнул.

Разжеванные плоды превратились в молочно-белую кашицу, пахнущую еще резче, чем прежде. Терпеть этот беспорядок не было сил. Юноша принес корзинку золы, засыпал ею «подарок» зверя и собрался было всё вымести, как вдруг замер.

Эта каша показалась ему удивительно знакомой. Она была точь-в-точь как перетертые бобы.

Цзянь Мо быстро закончил уборку и вернулся домой с остатками плодов. Он растер их в каменной ступе, залил водой и процедил. На дне осела густая молочно-белая взвесь. Похоже, содержание крахмала в этих плодах было колоссальным — куда выше, чем в волосатом корне. Вот только запах... просто беда.

В дом вошел У Цзюн. Увидев юношу, хлопчущего у очага, он спросил:

— Что это ты задумал?

— Мне кажется, в этих плодах очень много крахмала, — ответил Цзянь Мо, не поднимая головы. — Если его промыть, может получиться что-то дельное.

Вождь коснулся белой жижи пальцами, потер их:

— Крахмала и впрямь много. Жаль только, что в пищу они не годятся.

Юноша понюхал воду и поспешно отвернулся, глотая свежий воздух.

— Раньше некоторые племена пытались делать из них муку и печь лепешки, — продолжил мужчина. — Но есть это могли только те, у кого вкус совсем уж странный.

— А вреда от них нет? Живот не болит?

— Нет, вреда никакого.

— Вот и отлично, — оживился лекарь. — Тогда я попробую.

Вечером, помимо привычного жареного мяса и клубней, Цзянь Мо специально приготовил лепешки из нанго-крахмала. Он щедро сдобрил их пряностями и обжарил на сильном огне. Но чуда не случилось: даже кислая капуста не смогла перебить этот специфический привкус. Он, при всей своей неприхотливости, не смог проглотить и кусочка.

— А жаль, — сокрушался юноша. — Урожайность у них, говорят, огромная. Думал, будет подспорье на зиму, ведь еды у нас не так уж много.

— Зимой мы мало двигаемся, — отозвался У Цзюн. — Так что и малым обойдемся.

— Всё равно на голодный желудок не сладко, — вздохнул лекарь.

Раз уж плоды были очищены, он решил залить их водой и оставить вымачиваться. В его мире так поступали со многими продуктами, чтобы убрать горечь или неприятный запах — например, с побегами горького бамбука. Вождь наблюдал за его экспериментами молча.

Однако на следующее утро мужчина первым делом сообщил:

— Я заглянул в кадку. Вода стала ярко-желтой.

— Нужно проверить! — вскочил Цзянь Мо.

Нанго-плоды за ночь немного набухли. Юноша размял один в пальцах — он всё еще был довольно твердым. На ладони остался запах, но он стал заметно слабее. Он тщательно промыл плоды и залил свежей водой, решив подождать еще пару дней.

Пока нанго-плоды вымачивались, Охотничий Турнир подошел к концу. По итогам всех состязаний Приречное племя заняло второе место. Это был великолепный результат, учитывая, что их численность была куда меньше, чем у Племени Мэншуй.

Жизнь в поселении вернулась в привычное русло. Мужчины уходили на охоту, остальные занимались собирательством. По дороге все только и обсуждали самые яркие моменты Турнира и последние сплетни. Цзянь Мо, присутствовавший на турнире от начала до конца, теперь вполне мог поддержать разговор, но всё равно предпочитал больше слушать, и соплеменники не обижались на его молчаливость.

Спустя несколько дней юноша снова достал плоды. Запах всё еще присутствовал, и хоть он стал совсем слабым, острый нюх звероловов вряд ли бы позволил им насладиться такой едой. Чжоу Фу, попробовав кусочек экспериментальной лепешки, только плечами пожал:

— Уж лучше я зимой буду есть поменьше, чем жевать это странное тесто.

Цзянь Мо задумчиво вертел лепешку в руках.

— Нужно еще подумать...

В тот день, вернувшись с очередного сбора трав, он специально сжег охапку сухой травы, которую прихватил с собой, а затем аккуратно собрал белесую золу в ведро. Травяная зола была намного нежнее древесной, на ощупь — чистый шелк. У Цзюнь подошел к нему, зачерпнул горсть золы:

— Опять мыло задумал делать?

— Нет, — юноша поднял на него сияющие глаза. — Хочу приготовить пирожное из нанго-плодов на зольной воде.

Вождь на мгновение лишился дара речи.

— На чем?

— Запах из плодов никак не уходит, — пояснил Цзянь Мо. — Попробую добавить щелочную воду.

— Разве золу можно есть?

— Еще как, — улыбнулся юноша. — В моих краях на зольной воде готовили уйму всего вкусного.

Тот же рис или лапша на щелоке — он с детства помнил их отменный вкус. Но больше всего ему врезалось в память, как бабушка готовила тофу с помощью зольного настоя. Станный вкус продукта после такой обработки превращался в истинное лакомство. Это было настоящее волшебство. Юноше не терпелось узнать, сработает ли эта магия с нанго-плодами.

У Цзюн отнесся к идее с явным сомнением, но перечить не стал и принялся помогать. Они вместе перетерли вымоченные плоды, смешали их с зольной водой до состояния густой кашицы, нарезали на кусочки и отправили в котел.

То ли дело было в золе, то ли в долгой варке, но каша в кипятке застыла, обретя упругую текстуру плотного теста. Цзянь Мо выловил кусочек и принюхался — резкий запах почти исчез!

Они несколько раз меняли воду, проварив массу полвечера, после чего готовые пирожные переложили в большой таз с холодной водой. Юноша решил оставить их там еще на сутки.

Разминая затекшую поясницу, он собрался было подниматься к себе, как вдруг заметил, что У Цзюн не сводит глаз с получившихся брусочков.

— Что такое?

— Пока ты возился, я отщипнул кусочек, — признался вождь. — Теперь это можно есть.

— Так и раньше было можно, — рассмеялся Цзянь Мо. — Только невкусно.

Собеседник серьезно посмотрел на него. Юноша примирительно поднял руки:

— Ладно-ладно, не ворчи. Теперь даже придирчивые зверюды смогут это проглотить, верно?

Вождь кивнул.

— Завтра они станут еще лучше. Я добавлю пряностей, обжарю их хорошенько — уверен, тогда от странного запаха не останется и следа.

— Ложись спать, — тихо сказал У Цзюн.

— Да, уже иду.

Цзянь Мо подошел к лестнице, но на первой ступеньке замер. Он обернулся к мужчине:

— Послушай... может, переберешься спать наверх?

У Цзюн поднял голову. Лекарь, вцепившись в перила, заговорил быстрее:

— Холодает уже, внизу сыростью тянет, не ровен час разболеешься. На втором этаже места

полно. Будем спать по разные стороны, места хватит.

Вождь помолчал немного, а потом ответил:

— Через пару дней, как выкрою время, просушу подстилки и поднимусь.

Цзянь Мо облегченно закивал и поспешно взлетел наверх.

Наутро первым делом он бросился к тазу. После многократного вымачивания, промывания и варки в солевой воде специфический запах нанго-плодов окончательно уступил место нежному аромату крахмала и трав. Он попробовал кусочек: если не придирается к едва уловимым ноткам, было очень даже недурно. По правде говоря, многие лесные корни, которые им приходилось жевать, были куда грубее и горчили сильнее, чем эти пирожные.

В дом вошел У Цзюнь. Увидев юношу, сидящего на корточках перед тазом, он подошел и тоже попробовал угощение.

— Ну как? — с надеждой спросил лекарь.

— Раньше я думал, что эти плоды несъедобны, — задумчиво произнес вождь. — Оказывается, мы просто не знали, как их готовить.

Это была высшая похвала. Цзянь Мо просиял:

— Подожди немного, я сейчас принесу кислых плодов и охлаждающих листьев. Обжарим — пальчики оближешь!

За время жизни в племени юноша выучил каждый кустик в округе, так что за пряностями теперь не нужно было бежать в чащу.

— Я с тобой, — отозвался У Цзюнь.

Вернувшись с добычей, они принялись за дело. Цзянь Мо нарезал пирожное из нанго-плодов аккуратными ломтиками и обжарил их на раскаленном камне вместе с вяленым мясом, кислыми плодами, ароматной зеленью и щепоткой порошка из ракушек. Кусочки впитали в себя соки и аромат соуса, став мягкими и нежными. Никакого постороннего запаха больше не чувствовалось.

Юноша подцепил палочками кусочек, любясь результатом.

— Что такое? — спросил У Цзюнь.

— Вкус... он напоминает мне уличные закуски из моего мира.

— Закуски? — переспросил вождь, не отрываясь от еды.

— Это такая еда, которую едят не ради сытости, а ради удовольствия. Чтобы побаловать себя. И это пирожное — самое настоящее лакомство.

На камне еще оставалось много еды. Цзянь Мо не выдержал и наполнил большую миску.

— Отнесу Чжоу Фу и остальным, пусть попробуют. Интересно, что они скажут теперь.

У Цзюнь придержал его за руку:

— Сперва сам поешь. Никуда твоя еда не денется.

<http://bllate.org/book/15825/1433149>